НАДЕЖКИН ИГОРЬ

КОГДА ЛАСТОЧКИ КРУЖАТ НАД ДОМАМИ

18+

Игорь Надежкин

Когда ласточки кружат над домами

https://litres.ru/74838629
SelfPub; 2026

Аннотация

Любимая жена, сын, работа и старое кресло в углу гостиной. Жаловаться вроде не на что, но дышать почему-то всё труднее. Юность с её рассветами и друзьями, которые обещали быть рядом всегда, осталась где-то далеко.

Весной в город возвращается друг детства. Когда-то они были неразлучны, а теперь он пьёт и опускается всё ниже. Если помогать, можно потерять то, что с таким трудом построено. Если отвернуться, можно потерять себя.

Роман о том, как трудно меняться и принимать себя другим, и о прошлом, от которого не нужно отрекаться, чтобы идти вперёд.

Содержание

Часть 1 5
Глава 1 5
Глава 2 12
Глава 3 15
Глава 4 20
Глава 5 25
Глава 6 29
Глава 7 38
Глава 8 40
Г 44
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Игорь Надежкин
Когда ласточки кружат над домами

18+

Книга содержит упоминания наркотических средств. Незаконное потребление наркотических средств и психотропных веществ причиняет вред здоровью, их незаконный оборот запрещен и влечет установленную законом ответственность.

Мнения и взгляды, высказанные героями книги, не являются позицией автора.

Часть 1

Глава 1

Я хотел бы начать с какой-то сакральной истины, но любые слова, сказанные о взрослении, будут звучать банально и пошло, потому что природа взросления есть банальность и пошлость. Поэтому я просто начну.

Стоит сказать, что события, которые предшествовали столь пессимистичному выводу, как это часто случается, были на редкость многообещающими. Они сулили мне духовный подъем, которого так не хватало в 2016 году, когда на меня крепко насела депрессия. Депрессия? Даже не знаю… Сейчас мне сложно сказать, что творилось со мной тогда.

Дело в том, что именно в тот год я женился, и стоит заметить, что начинался он просто прекрасно. Но вскоре на меня навалился беспощадный быт, справиться с которым оказалось не так уж просто. Не могу сказать, что предыдущий год был наполнен событиями — уже тогда я жил со своей будущей женой и ее ребенком от прошлого брака, которого я знал уже много лет и растил как своего собственного. Но именно в 2016-м проблемы и вязкая, как грязь под ногами, рутина навалились особенно сильно. Может показаться, что трудности мои были связаны с женитьбой, но для моего лич-

ностного декаданса было много причин, которые по отдельности вряд ли бы смогли выбить меня из колеи, но, сплотившись, являли весьма серьезный повод для беспокойства.

Во-первых, именно в 2016-м я впервые начал задумываться о том, что юность осталась далеко позади. Я понял это, когда у меня появилось кресло. Именно так! Старое кресло, которое я привез из дома тещи и поставил в углу гостиной, придвинув к нему напольную лампу. По вечерам, возвращаясь с работы, я усаживался в это кресло — делал наброски для книг или же просто читал, закинув ногу на ногу, и тихо покачивался из стороны в сторону, пока кресло вторило мне скрипом. И так я мог просидеть до глубокой ночи, и мне совершенно не было скучно.

Именно тогда я начал замечать в себе перемены. Так что знайте! Как только в вашем доме появится кресло, вам обязательно стоит присмотреться к себе. И, готов поспорить, вы обнаружите, что глаза ваши стали тусклее, плечи осунулись, а по обе стороны лба уже крадутся к темечку предательские залысины. А потом уже все пойдет само собой. Обратив внимание на какой-то назойливый шум по радио, вы поймете, что только что услышали главный хит этого лета. Затем, заглянув в свой любимый бар, где часто засиживались в свои студенческие годы, вы увидите там парочку первокурсников и, сами того не желая, задумаетесь: «А ведь они лет на восемь, а то и того хуже, на десять младше меня». И хоть о старости говорить еще было слишком рано, но переломная

цифра тридцать уже подобралась ко мне совсем близко. Сама по себе эта мысль гнетет не так уж сильно, но тут и вступают в игру пресловутые «во-вторых».

И дело вот в чем. В жизни каждого женатого человека рано или поздно наступает момент, когда он начинает понемногу выпадать из своего окружения. Конечно, ты пытаешься с этим бороться, но сопротивление позволяет лишь отсрочить неизбежное. Ведь однажды твои холостые друзья начнут все реже появляться в твоей жизни, а работы и забот становится так много, что ты и сам уже не хочешь выбираться из дома, поскольку так сильно застреваешь в своей зоне комфорта, что мир за ее пределами начинает казаться тебе чужим и опасным. И ты застываешь. Зацикливаешься. Становишься нерешительным и робким и все меньше походишь на того, кем привык себя считать. Постоянная необходимость обеспечивать семью неизбежно делает тебя меркантильным, и в какой-то момент ты оказываешься заложником материального. А духовный мир и все эти практики, скитания и мечты безумной юности становятся чем-то незначительным и недозволительным для главы семейства.

И вот итог. На дворе декабрь. 2017-й подбирается все ближе, и его приближение заставляет меня ежиться больше обычного. Девять часов в день я провожу на работе. Моя жена трудится немногим меньше, но в вечернюю смену. Тогда мы владели небольшим фотосалоном, а свое дело, даже такое маленькое, забирает много сил и, самое страшное, жрет

ваши и без того расшатанные нервы.

И вот я возвращаюсь домой, моей жены, скорее всего, нет, и потому наш сын Павел на мне. Я усаживаю его ужинать, а проделать это с ребенком не так уж просто, а потом трачу почти весь вечер на то, чтобы помочь ему с уроками, и это тоже не такое уж плевое дело. Хотя Павел очень смышленый малый, уж точно посмышленее, чем я в его возрасте. По крайней мере, ему хватает мозгов не шататься по подворотням и не впутываться в неприятности, а просто быть послушным и счастливым ребенком, каким он и должен быть в восемь лет. Павел идет смотреть мультики, а я сажусь в свое кресло почитать или, если день выдался паршивый, выпить бокал виски. Затем приходит жена, и мы ложимся спать. Если жена дома, я могу немного расслабиться и покопаться в своих записях, но это бывает нечасто. И так день за днем. Неделя за неделей. По новой. По кругу. Сызнова.

Но больше всего меня угнетал тот факт, что вот уже почти год я не мог написать ничего стоящего, а для любого творческого человека застой — это худшее из всех возможных состояний, которое не дает ему покоя ни днем ни ночью, занимая все его мысли. Для писателя чувство невысказанности есть самое страшное из всех возможных мучений. Внутри словно закипает лава, и, не имея возможности выброситься наружу, она прожигает человека изнутри. Более того, застою всегда сопутствует чувство никчемности и собственной бездарности, которое усиливается осознанием, что я испи-

сал уже тысячи слов, а никто так и не взялся меня издать.

Я не мог написать и строчки, а если и удавалось нацарапать что-нибудь, то листы тут же отправлялись в мусорную корзину, где им было самое место. Я беспрерывно искал то, что сможет взбудоражить меня настолько, что не будет уже сил молчать, но новый день приносил мне лишь серые будни, которым не было счета. И, наверное, я бы вовсе бросил писать, если бы не поддержка жены. Она уже давно стала моим самым строгим литературным критиком. С тех самых пор, когда, написав свой первый роман, я дал прочитать его своим друзьям, от которых получил лишь похвалу. Но как только до рукописи добралась Кристина, она сразу сказала мне со свойственной ей прямотой: «Ты уж меня прости, Руслан, но ты написал сто страниц редкостной чуши». С того момента первым делом мои рукописи отправлялись к ней, и лишь после одобрения Кристины я начинал думать, что мне делать с ними дальше.

Вообще, мне очень с ней повезло. Правда. Она могла бы запросто найти кого-нибудь получше меня, но тем не менее оставалась рядом со мной, что, безусловно, было огромным подвигом любви и верности с ее стороны, ведь характер у меня на редкость скверный. Хотя речь сейчас не об этом.

Как я уже говорил, она во всем меня поддерживала и, видя, как я мучаюсь от этого ступора, сделала мне самый лучший подарок — югославскую печатную машинку. Дело в том, что мне никогда не нравилось писать на компьютере.

Скучное это дело — слишком уж отдает механическим подходом к ремеслу, и прежде я писал все только от руки, утопая и путаясь в бесчисленных блокнотах и клочках бумаги. А машинка… В этой вещице был особый романтизм, которого мне так не хватало тогда. Так и появился возле моего кресла этот осколок другой эпохи, найденный в кладовке у одного старика. Вот только было еще одно «но». Прежде всего, машинку, такую причудливую и непонятную, нужно было освоить.

В первый день машинка сводила меня с ума. За ее романтизмом скрывалась сложная техника, которая все никак не хотела мне поддаваться. Особенно этот звоночек, что возвещал о том, что строка подходит к концу. Невероятно сложно было услышать за стуком старых клавиш звон этого колокольчика. Видимо, у машинисток, что сидели за этими машинками пятьдесят лет назад, слух до того привык к этому еле слышному «дзынь», что они могли услышать его, даже стоя на другом конце улицы, и, сами того не замечая, двинуть рукой невидимую каретку.

Хотя все оказалось не так страшно, как виделось мне вначале. Спустя два дня я уже печатал так лихо, что, наверное, мог бы устроиться в заправскую контору середины XX века, получал бы свои два или три рубля в день на кильку, кефир, батон и бутылку вина, ну или что там еще можно было купить, и коротал бы с ней ночи в керуаковском отчаянии 50-х. Днем щелк-щелк на машинке. Ночью бит-бит из горлышка,

и так день за днем, пока милиция не упрятала бы меня в сумасшедший дом. Так бы и умер, бедолага, на казенной койке, и никаких больше щелк-щелк, и никаких больше бит-бит. Конец мне! Сдох бы свободный мальчишка. Да и черт бы с ним… Потому что в голове моей всякий бред, а на бумаге по-прежнему ни строчки. А ведь жена моя так старалась.

Глава 2

Осенью 2016-го я являл собой тишайшего из всех семьянинов, уже порядком устав от этой роли. Меня спасали лишь редкие встречи с друзьями, с которыми я еще мог чувствовать себя юным. Хотя и тех осталось вокруг меня немного.

Прежде всего, мой самый старинный друг Антон Свиридов, которого я знал вот уже пятнадцать лет. Мой извечный друг детства, с которым мы повидали столько, что для истории о наших похождениях мне пришлось бы написать отдельный роман. Тот самый низкорослый парнишка без одного зуба в верхней челюсти и с лицом этакого простака, которое не раз вводило в заблуждение тех, кто знал его не так хорошо, как я. За его на редкость непримечательной внешностью скрывался яркий и образованный человек, который повидал не меньше, а может, и побольше моего. Богемные бары, душные казармы, дороги и поезда, безумные ночи и сотни тысяч людей, что крутились возле нас… Словом, все то, что осталось в нашей безумной юности.

Теперь же это был совсем другой человек. Степенный и тихий. Он жил с девушкой, и похоже, что дело у них шло к свадьбе. Его образ жизни мало отличался от моего. Да и виделись мы совсем редко. Может, три или четыре раза в год, хотя жили в часе езды друг от друга. И временами я злился на него за то, что он не звонил и не писал мне, но, видя его

воочию, тут же прощал, потому как до сих пор безумно любил этого чудаковатого парня.

Затем Сергей Рыкунов, которого я знал немногим меньше, чем Свиридова. И я даже не знаю, что вам о нем рассказать. Он был высоким рыжеволосым парнем с грустными глазами и по-настоящему наглой улыбкой. Наглости своей он никогда не стыдился и, следуя заветам старой поговорки, считал ее вторым счастьем. Парень с красивой статной фигурой и каким-то магическим обаянием, на которое часто западали девчонки. Но при всем этом он был человеком на удивление скромным. Вы никогда бы не увидели его в жарком споре. Вряд ли услышали бы в его голосе требовательность. Да и вопреки логике у него было не так уж много девушек. А все потому, что Рыкунов никогда не стал бы пудрить им мозги. Он был действительно славным парнем — надежным и добрым. И именно поэтому, несмотря на то, что у нас было не так много общих интересов, мы столько лет оставались друзьями. И где бы мы ни оказались и что бы с нами ни случилось, я мог быть уверен, что он сломал бы нос любому, на кого я укажу пальцем, а Рыкунов, в свою очередь, знал, что я сделаю для него то же самое. Между нами была безусловная братская любовь, которая так нужна каждому мужчине.

А еще Дмитрий Силин, с которым меня свел Свиридов в 2011 году, в те времена, когда мы крутились всюду со своими университетскими друзьями. Дмитрий был моложе нас

на три года и потому немного отличался от нас, к тому же в компании, где все знали друг друга еще со школы, был слегка инороден. Ему более всех остальных удалось вклиниться в новое время, и он менее всех нас чувствовал себя лишним в этой действительности. Он носил аккуратную и ухоженную бороду. Волосы его были стильно убраны набок, и он, без сомнений, куда больше нашего следил за тем, во что был одет. Даже больше Рыкунова, который прослыл среди нас модником. Татуировки на руках Силина отличались от наших и были частью кропотливо продуманного образа, а не еще одним проявлением бунта. Но, несмотря на все это, Силин уже являлся неотъемлемой частью нашей шайки, и без него уже было невозможно представить наши редкие посиделки.

И, наконец, Александр Елинич, с которым вас стоит познакомить поближе, ведь именно его история в итоге стала ключевой для всего, что случилось дальше.

Глава 3

С Александром Елиничем я познакомился летом 2001 года, когда еще жил в родном городке со своей матерью и братьями. Дела в нашей семье обстояли так, что матери приходилось много работать, чтобы обеспечить нас всех необходимым, а отец не особенно заботился о нашей судьбе и жил за сто пятьдесят километров от нас, появляясь лишь два раза в год. Поэтому почти все время я был предоставлен самому себе и слонялся со Свиридовым и Рыкуновым то там, то здесь, наживая себе неприятности и знакомых, от которых четырнадцатилетнему парню стоило держаться подальше. Я не могу сказать, что мы занимались чем-то действительно ужасным, но тем не менее дорога в кабинет следователя была нам знакома. Однако нас сложно было за это судить, потому как все познается в сравнении. Большинство моих теперешних приятелей не имели проблем с законом, но тогда я знал с десяток парней, которые уже успели побывать в колонии, и наши мелкие воровские наклонности казались сущей нелепицей на фоне того, за что привлекались к суду они.

Александр Елинич тогда водился с другими парнями. А я, Рыкунов и Свиридов держались ото всех особняком и не стремились искать друзей. Но вышло так, что Свиридова и Елинича свел один общий интерес, о котором вам лучше ничего не знать, и Александр стал иногда крутиться с нами.

Вскоре парень стал настолько привычен нам, что мы всюду звали его с собой.

Сложно сказать, что свело нас всех вместе. Наверное, понимание того, что все происходящее вокруг не может являться нормой, и наш тесный кружок стал своеобразной крепостью, в которой мы могли укрыться от бесконечных драм. Мы были не просто друзьями. Мы были семьей, ну или, по крайней мере, тем, что могло нам ее заменить.

Александр Елинич был самым добродушным из нас и избегал драки всеми возможными способами, что на фоне общей беспричинной агрессии казалось мне чем-то вроде святости. В его округлом лице я никогда не видел злобы. Жесты и движения его были плавными, без острых, как бритва, углов. А весь его мягкий силуэт словно говорил каждому встречному: «Приятель, нам нечего с тобой делить, так давай же будем добры друг к другу», — и он лишь ходил за нами, немного увалень, и, наверное, был бы счастлив обрести настоящих друзей, а не сброд, что стремился его использовать. Жаль только, в нашем городке доброта зачастую приравнивалась к слабости, и нам не раз приходилось защищать его словом и делом.

Была еще одна вещь, которая отличала Александра Елинича от нас: у него была семья, настоящая, где его любили и ждали, и всегда, несмотря ни на что, были рядом. В глубине души все мы завидовали Елиничу. Ведь мы редко видели своих матерей, поскольку они вечно пропадали на работах,

а слово «отец» значило для нас не больше, чем любое другое. Хуже всех пришлось Рыкунову, ведь мать оставила его на воспитание бабушке, а сама жила в другом городе, навещая сына лишь изредка, а отец его был уже много лет как мертв. У Елинича же все было иначе.

Он был поздним ребенком и потому мог сполна насладиться заботой своих родителей. Его мать была на удивление добродушной женщиной. А отец… Отец был поистине выдающимся человеком с нелегкой и полной трагизма судьбой. Но от него вы бы не услышали ни единой жалобы, а лишь слова поддержки и добрый совет, полный отеческого сострадания, с которым он относился ко всем нам. Любой друг Елинича был в их доме желанным гостем и мог при любых обстоятельствах рассчитывать на обед, постель и сочувствие, хоть и выражалось оно в причудливой, порой даже грубой форме. Нечто вроде: «Ну и что ты уставился на меня? Ждешь, что я буду тебя оправдывать? Так ведь не стану! Хватит вам уже ерундой страдать. За голову нужно браться. А вы все как дети». Кто-то скажет, что это сложно назвать заботой. А для нас было необычайно важно знать, что на свете есть человек, который сможет сказать нам «хватит», если мы зайдем слишком далеко и приблизимся слишком близко к тому моменту, когда исправить ошибки будет невозможно. Но, оглядываясь назад, я могу сказать, что та идиллия, что царила в доме Елинича, сыграла с ним злую шутку.

Его родители умерли так неожиданно, что еще долго ни

он, ни мы не могли осознать того, что Александр Елинич теперь сирота. Не знаю, доводилось ли вам когда-нибудь стоять рядом с шестнадцатилетним парнем, который смотрит на могилы своих родителей, что еще меньше полугода назад не болели даже простудой, а в итоге по очереди умерли у него на глазах. И если с матерью все случилось довольно быстро, то отец его умирал от рака, что не позволяло Елиничу как следует выплакаться из-за смерти матери, поскольку он знал, что вскоре лишится и отца.

Я не знал, что сказать ему в тот момент. Да и, глядя в его пустые глаза, понимал, что любые слова будут бессмысленны. Я ничем не мог ему помочь, и от этого становилось лишь паршивее, хотя мне и без того хотелось плакать, но я лишь пытался сдержать эмоции, осознавая, что слезами сделаю только хуже. Это был ужасный момент. Роковой. После которого я уже никогда не видел Елинича счастливым.

Вскоре после похорон Александра отправили на воспитание к тетке. И хоть я понимал, что для него так будет лучше, все равно был ужасно расстроен мыслью, что я не смогу о нем заботиться, зная, как он в этом нуждался. К тому же мною овладевало эгоистическое нежелание расставаться с близким другом. Тем не менее на следующие шесть лет я почти полностью потерял его из вида. За это время он несколько раз навещал нас, как-то раз я и Свиридов проведали его. И стоит сказать, что за эти годы от прежнего Елинича не осталось и следа. Он вел весьма маргинальный и затворнический

образ жизни, к тому же у него были серьезные проблемы с выпивкой. В мою жизнь Александр Елинич вернулся лишь осенью 2016 года.

Глава 4

Однажды, дождливым октябрьским вечером, когда я ужинал со своей семьей, раздался телефонный звонок. Обычно подобные звонки не сулили мне ничего хорошего, да к тому же я не любил, когда меня отвлекали в те редкие моменты, которые я мог провести с женой и ребенком. Именно поэтому, увидев незнакомый номер, я снял трубку и, не скрывая раздражения, сказал:

— Да. Кто это?

— Не очень радостно ты встречаешь старых друзей, — послышался в трубке знакомый мне с детства голос. — Ну и как ты поживаешь? — спросил он, наперекор моему удивлению.

— Черт возьми, Елинич! — воскликнул я. — Не ожидал тебя услышать. — Я был растерян, ведь за последние полтора года от моего старого друга не было никаких вестей. — Да вроде все как всегда, — вспомнил я о его вопросе. — Хотя, знаешь, столько всего случилось, даже не знаю, с чего и начать…

— И не говори, — перебил он меня. — Обо всем, что случилось за последние годы, можно рассказать только за кружечкой пива. Кстати, я сейчас в городе, так что это можно запросто организовать.

— Что значит «в городе»? — еще сильней растерялся я.

— Почему ты мне не позвонил? Мог бы остановиться у меня.

— Это ни к чему. Я приехал надолго и снял квартиру. К тому же я не один. С одним малым… Словом, долгая это история, — промямлил он.

— Как надолго? — спросил я, все больше теряя суть происходящего.

— Да меня вроде как все тут достало, я продал квартиру и собираюсь уехать из страны. Так что, можно сказать, это мой последний визит.

— Погоди-ка. Ни черта не пойму. Куда эмигрировать?

— Знаешь что? — не давал мне опомниться Елинич. — Давай-ка мы встретимся завтра, и я все тебе расскажу. Часов в восемь. Пойдет?

— Хорошо.

— Вот и славно, — продолжал напирать он. — Мне пора идти. Увидимся завтра, — и тут же бросил трубку, оставив меня в недоумении.

Кристина смотрела на меня озадаченно. Она легко читала меня с первого взгляда, и ей было предельно ясно, что это был не обычный звонок.

— Кто это? — спросила она, пододвинув ко мне чашку кофе.

— Саша Елинич.

— Тот самый?

В вопросе этом таилось недоверие, с которым Кристина относилась к моим друзьям. Не могу сказать, что она недо-

любливала их, но и никогда особенно не жаловала. Жена считала, что они могли бы оказывать мне чуть больше поддержки и почаще интересоваться моими делами. А я, в свою очередь, не мог ей объяснить, что наши с ними отношения никогда так не работали, и понятия дружбы ее и мои сильно разнились. Усугублял ситуацию тот факт, что почти все мои друзья вели разбитый образ жизни и, несмотря на возраст, оставались кем-то вроде потерянных мальчишек Питера Пэна.

— Да. Тот самый, — ответил я ей скупо.

— И чего он хотел?

— Он приехал в город. Продал квартиру. Говорит, что хочет эмигрировать.

— Эмигрировать? — Кристина усмехнулась. — Интересно, куда?

— Сам не знаю. — Я смекнул, что жена собирается устроить Елиничу заочную трепку, и захотел сменить тему. Мне было неуютно оттого, что Кристина порой говорила о моих друзьях нелицеприятные вещи, большинство из которых были правдой. — Завтра мы с ним встретимся, и все прояснится.

— Поправь, если я ошибаюсь, но ведь он не знает ни одного иностранного языка, — не унималась моя жена.

— Все верно, — подтвердил я неохотно.

— Ясно. — Кристина закивала головой, словно лишний раз убедилась в правдивости той версии, что выстроилась у

нее в голове. — Что-то подсказывает мне, что он просто спустит все деньги, и на этом все кончится.

— Говорю же, ничего не знаю, — уже заводился я. Я и сам боялся того же. Кристина и я пришли к единому выводу, значит, столь печальное будущее моего друга становилось все более реальным. — Надеюсь, ему хватит мозгов сделать все правильно, — продолжил я, немного успокоившись. — Давай не будем об этом сейчас. Не хочу забивать себе голову.

Кристина хотела было сказать что-то еще, но, заметив мой взгляд, лишь нежно улыбнулась и, прислонившись пухлыми губками к краю чашки, сделала маленький глоток, как бы говоря мне: «Хорошо, дорогой. Мы вернемся к этому разговору, когда ты будешь готов».

За это я и любил свою жену. За ее умение понимать и сострадать. Конечно, не все у нас было гладко, и порой мы могли ругаться несколько дней напролет, но в одном можете быть уверены: более доброго и чуткого человека, чем Кристина, вам вряд ли удастся сыскать и за десять лет. Хотя, наверное, каждый готов сказать так о своей любимой. Но все же… И я настаиваю. В сострадании ей не было равных. Она всегда была готова помочь ближнему, следуя лишь своим христианским идеалам, которые она ото всех держала в тайне, поскольку верила, что любовь к Богу непременно должна быть тихой. Порой я даже упрекал Кристину за ее чрезмерное желание доверять и отдавать, которое не раз становилось причиной ее слез. Она была слишком хороша для этого гряз-

ного мира. На самом деле. И порой даже мне хотелось, чтобы она научилась быть немного злей и циничней, ведь мне было больно видеть, как она снова и снова давала второй шанс людям, которые не заслуживали ни единого.

Остаток вечера мы провели дома. Лениво отлеживались в гостиной. Мы нечасто выбирались куда-нибудь после работы. В основном потому, что проводили вместе слишком мало времени, и в дни, когда нам выпадало редкое счастье побыть вдвоем, мы предпочитали не тратить время на встречи с друзьями. В постель тем вечером мы легли рано, но заснуть я не мог до глубокой ночи. Елинич все никак не шел у меня из головы, и я то и дело возвращался к тому, что он сказал мне вечером. Я не на шутку волновался за него. И каждый раз, когда мой внутренний мечтатель говорил мне, что, может быть, Елинич все-таки сможет начать новую жизнь, беспощадный реалист хватал его за глотку и, глядя, как мечтатель испускает последнее дыхание, твердил мне вновь и вновь: «Елинич-то облажался по-крупному, парень. Теперь этот пьянчуга уж точно допрыгался. Конец ему. Баста». И я лежал в постели, глядя, как по потолку бегают блики далеких фар от машин, что все мчали по улице, как мчала навстречу погибели заблудшая душонка Александра Елинича.

Глава 5

Следующим утром я проснулся в восемь часов и, нехотя встав с постели, стал собираться на работу. Мысли о Елиниче остались в далеком вчерашнем дне, потому я принялся за ритуал, который совершал каждое буднее утро.

Сперва принять душ и почистить зубы. Надеть чистую майку и отправляться на кухню завтракать. Обычно в это же время просыпался Павел, и, прежде чем накормить нас обоих, я наблюдал за тем, чтобы он не хитрил во время чистки зубов и заправлял за собой постель. В тот год занятия у него начинались во второй половине дня, а на работу мне нужно было лишь к десяти, так что мы успевали поговорить немного утром, пока я брал парочку колбасок или ломтик бекона, бросал его в раскаленное масло и заливал яйцом, хорошенько засыпав все это перцем и пряностями. Павел не разделял моей тяги к сытным и, если быть честным, очень вредным завтракам и ограничивался тарелкой кукурузных хлопьев и чашкой чая. А я свои зверства над желудком заканчивал чашкой черного кофе и сигаретой. Все как у старины Джармуша. Я знал, что эта парочка однажды прикончит меня, но все никак не мог с ней расстаться. Хотя в последнее время я все чаще об этом задумывался, так как очень не хотел, чтобы через каких-то десять или пятнадцать лет моей семье пришлось хлопотать о моих похоронах.

После завтрака я сложил в рюкзак свой обед, закинул туда же роман Германа Мелвилла и пошел попрощаться с женой, которая в это время обычно еще спала. Когда я вышел из спальни, Павел уже ждал меня в коридоре и держал в руках нашего кота, который все время норовил выскочить из квартиры, стоило мне лишь приоткрыть дверь. Я накинул джинсовую куртку, поцеловал Павла и вышел из дома навстречу хмурому осеннему утру.

До работы я всегда добирался на автобусе, поскольку ненавидел ездить за рулем и всеми силами старался отсрочить момент, когда мне все-таки придется купить автомобиль. Поездка на автобусе позволяла мне хоть немного отвлечься от обыденных мыслей. И было что-то умиротворяющее в том, чтобы включить на телефоне любимые записи и, прислонившись лбом к стеклу, смотреть, как суетятся люди. Вот парочка парней в серых костюмах спешит в свои тесные офисы, которые они так ненавидят, но все же терпят, чтобы иметь возможность купить новый гаджет, а может, взять в кредит новый седан или просто пятничным вечером угостить парой коктейлей девицу, что полвечера выпрямляла свои длинные волосы и густо мазала брови, чтобы шириной они были в два пальца, а может, и больше, лишь бы быть в тренде. А за ними пара хмырей в спортивных костюмах, которые не заботились о трендах вовсе, поскольку навечно застряли где-то в 95-м. Навстречу им идет стильный студентик в бомбере и зауженных джинсах и думает, где бы ему наскре-

сти деньжат на обед и бокал крафтового пива. И еще десятки и сотни людей. Красавицы, одетые по последней прихоти безжалостной моды. Старики — извечные странники утра. Дети, спешащие в школу. Работяги, клерки и домохозяйки. В бесконечной мешанине толпы утреннего часа пик.

А я просто смотрел на них и расслаблялся, потому что, как только автобус довезет меня до остановки, мне придется облачиться в костюм извечной серьезности и притворной улыбчивости и думать о том, как бы заработать побольше деньжат. Потому что чертовски достало жить на съемной квартире. Потому что у Кристины нет приличной пары осенних ботинок. Потому что Павлу нужно к ортодонту. Потому что на тумбочке в прихожей лежит счет за электричество и ждет, чтобы его оплатили. Потому что мне нужно вылечить зуб, который ноет вторую неделю. И все это давит так сильно, что порой хочется взять родных и сбежать куда-нибудь в глушь, подальше ото всех проблем. Но день ото дня я лишь просыпаюсь в восемь утра и начинаю все по новой в надежде, что завтра смогу сделать со всем этим хоть что-нибудь.

И знаете, что я вам скажу? Человечество убьет не астероид и не вирус, и даже не пресловутая ядерная война. Человечество прикончит стресс, который стал для нас настолько привычен, что мы перестали с ним бороться. Все ради денег, о которых нам приходится думать постоянно. И это меняет нас всех. Ведь раньше я считал себя человеком, патологически не способным к зарабатыванию денег. Я знал лишь, где

покидать мешки за несколько сотен, чтобы прокормить себя. Но только обретя семью, я научился зарабатывать по-настоящему и всегда думать о собственной выгоде, ведь без этого мы бы совсем пропали.

Ровно в десять часов я открыл двери фотосалона, включил все оборудование и стал ждать первых посетителей. Но, как назло, с самого утра шел дождь, а это значило, что много мне не заработать. Поэтому я достал из рюкзака Мелвилла, ведь с ним я мог отвлечься от мысли, что где-то, в глубине своей души, я, как и миллионы людей, ненавидел свою работу.

Когда-то давно, когда мне приходилось потеть на кухнях закусочных и пыльных складах или еще того хуже — мокнуть на улице, мне казалось, что сидеть целый день на стуле — это самое плевое дело на свете. Но, если честно, я бы лучше надрывал спину под солнцем, чем, сидя на этом стуле, переживал о том, заработаю ли я хоть что-то сегодня. Однако этот фотосалон приносил неплохие деньги, и лишь за это я готов был торчать в нем до конца своих дней. Ведь, в конце концов, делать то, что нужно, а не то, что хочется, — и значит быть отцом и мужем. А эти простые два слова тогда стоили сотен часов, проведенных на стуле.

Глава 6

В семь часов вечера я закончил работу и сразу двинул к Елиничу. Еще днем он позвонил мне и сказал, что снял дом на краю города, на улочке, вдоль которой частные дома тянулись от автовокзала до самого городского кладбища. Дом этот, как я позже выяснил, больше походил на двухэтажный сарай с маленькой душевой кабиной, вход в которую был сразу за изголовьем кровати, с неким подобием кухни, что мостилась у входной двери, и деревянным туалетом во дворе. Второй этаж являл собой чердачное помещение, которое лишь самый несгибаемый оптимист мог бы назвать пригодным для жизни.

Добравшись до автовокзала на автобусе, я зашел в закусочную, где взял пару гамбургеров, и отправился искать нужный мне дом, возле которого по уговору уже должен был ждать меня Елинич. Вот только сделать это оказалось не так уж просто, поскольку вокруг не было никого, кто мог бы подсказать дорогу. К вечеру дождь, который лил весь день, уже прекратился, но неприветливый октябрь по-прежнему гнал людей с улиц холодным осенним ветром. Встречали меня лишь желтые окна, за которыми прятались изможденные непогодой люди.

Когда я уже начал подумывать, что мне ни за что не найти этот треклятый дом, на другой стороне улицы я вдруг увидел

знакомый округлый силуэт, укрытый тусклым светом уличных фонарей. Это был мой старый добрый Елинич — я ни за что не спутал бы этого чудака ни с кем другим. Я невольно улыбнулся, осознав, как сильно по нему скучал, и уже совершенно позабыл о тревожных мыслях, которые вызывала у меня причина его приезда. Я поднял правую руку вверх и громко крикнул:

— Эй, красавчик! Ты здесь один? Не хочешь составить мне компанию?

— Если честно, не очень, — отозвался Елинич.

— У меня есть бургеры. — Я показал ему бумажный пакет.

— Ну, тогда это в корне меняет дело.

Я подошел к Елиничу и протянул ему руку, но простого рукопожатия ему показалось мало, и он крепко обнял меня своими некогда могучими руками.

Елинич остался почти таким же, каким я помнил его с нашей последней встречи: густые черные волосы свисали над широкими бровями, небрежная борода, которую он извечно забывал привести в порядок, и мягкий, но в то же время могильно-холодный взгляд, который лишь укреплял мои опасения на его счет. Саша разве что еще сильней растолстел и стал меньше следить за собой, а зубы его начали крошиться от переизбытка сигарет, алкоголя и более тяжелых веществ. В остальном же это был все тот же шестнадцатилетний парнишка, с которым я расстался много лет назад.

Зайдя в его дом, я почувствовал терпкий запах дешевых сигарет. В свои двадцать девять Елинич выкуривал по две пачки крепких в день, что, в общем-то, было не самой главной его проблемой, поскольку, помимо этого, он заливал в себя две или три банки энергетического напитка и около четырех бутылок пива. В его доме властвовали грязь и пыль. На стуле возле кровати лежала грязная одежда. На плите стояла сковорода с остатками утренней глазуньи. А вдоль стены тянулись шеренгой пустые бутылки и банки. И все это буйство неряшливости и наплевательства как нельзя лучше отображало бардак, что творился тогда в его душе.

Оглянувшись по сторонам, я сказал Елиничу:

— И как ты только умудрился учинить этот раздрай за два дня?

— Ну вообще-то, я здесь уже чуть больше месяца, — неохотно признался он.

— Месяца?! — воскликнул я удивленно. — Так какого черта я узнал о твоем приезде только вчера?

— Да я приболел, все никак не мог поправиться, — ответил Елинич растерянно, и по его стыдливым глазам я понял, что весь прошлый месяц он провел в запое в этом ветхом доме, за который платил пять тысяч в неделю, хотя за свою квартиру в хорошем районе я платил всего три с половиной тысячи, а за эту конуру никто бы не дал и двух. Но у Елинича было много денег, и ему было попросту наплевать.

— Знаешь, я люблю тебя, но ты настоящий придурок,

— воскликнул я, разведя руками. — Ты что, просто торчал здесь один?

— С одним малым. Он живет вместе со мной.

Именно в этот момент я понял, что все мои попытки вразумить Елинича будут обречены на провал. Потому что этот самый «малый» на поверку оказался обычным разводилой, который плотно сел Елиничу на шею. Он убеждал Сашу, что вместе они смогут запросто удвоить деньги, которые Елинич выручил с продажи квартиры, а сам темвременем жил за его счет. В итоге аферист и вовсе пропал, прихватив с собой кое-что из вещей Елинича и двадцать тысяч, которые тот оставил в тумбочке.

— Ладно, — выдохнул я обреченно. — А теперь расскажи мне, что ты задумал.

— Месяцок-другой погуляю, а потом уеду из страны, — ответил Елинич уверенно.

— И куда же?

— Пока еще не знаю. — Он почесал затылок. — Просто… Просто я не могу больше жить в этой дыре. Ты же сам видишь, какой бардак творится вокруг. Все эти аресты и ограничения. Нужно бежать, пока, того и гляди, не закрыли границы. К тому же здесь у меня нет никаких перспектив, разве что загреметь в тюрьму из-за нескольких слов в Сети. Если бы ты только знал, как меня это все достало.

— Послушай, — начал я мягко. — Давай лучше сделаем вот что. Во-первых, ты избавишься от этого стремного ти-

па. А во-вторых, подыщем тебе нормальное жилье. Сейчас тебе кажется, что у тебя полно денег, но, поверь мне на слово, они закончатся гораздо быстрее, чем ты думаешь. Просто послушай… Я помогу тебе купить неплохую квартиру, а оставшихся денег тебе хватит, чтобы здесь развернуться. Я даже знаю одно место, где ты сможешь отлежаться месяцок, чтобы больше не зависать на выпивке. А потом, когда ты все как следует обдумаешь и все-таки решишь эмигрировать, мы вместе решим, как все это провернуть.

— Я уже все решил, — отрезал он. — Я сваливаю из этой чертовой страны, как только подготовлю все необходимые документы.

— Ты хоть знаешь, что тебе для этого нужно? Или ты думаешь, достаточно просто купить билет?

— Пока я еще не думал об этом.

Елинич взял со стола пачку сигарет и закурил, словно говоря мне: «Прости, но мы закрыли эту тему». Я хотел настоять на продолжении, но заметил его взгляд, и тут мне стало ясно. Это были глаза не наивного мальчишки. Это были глаза человека, который уже давно распрощался с этим миром, а потому его уже не заботили ни деньги, ни то, что его тело все больше приходило в негодность. Его взгляд был взглядом живого трупа, которого уже не волновали мирские условности. Я видел этот взгляд раньше, на лицах, что плыли по душным коридорам психиатрической лечебницы. И в тот момент мне стало по-настоящему жутко. Мне не хоте-

лось видеть этот взгляд в некогда ласковых глазах, что так радушно смотрели на меня из далекого прошлого. Именно тогда я впервые задумался о том, что время все мчится и мчится вперед. Ведь никто из нас не становится моложе. А с тем безумным образом жизни, который вели мои приятели… Всем этим безрассудством и бесконечным желанием быть там, где неприятности. Я впервые в жизни задумался о том, что не так уж долго осталось до того дня, когда нам придется собраться у могилы и проводить в последний путь одного из нас. Одного из тех, кто навсегда останется в моей памяти навечно юным мальчишкой, стремящимся вырваться в мир и стать настоящим человеком.

— Вот что, Руслан. — Елинич вытащил меня из омута опасений. — Давай-ка ты лучше покажешь мне какой-нибудь приличный бар. Я угощаю.

— Нет уж. Я плачу за себя сам. Не собираюсь я быть причастен к тому, как ты прогуливаешь свою квартиру.

— Как скажешь. Только отвези меня в бар.

Покинув флигель, мы двинули в центр города. В одно тихое местечко, где подавали на редкость добротное пиво, а по выходным даже выступали сносные группы. Зайдя в бар, мы взяли два пива и заняли единственный свободный столик возле туалета, где мимо нас то и дело мелькали люди, на которых Александр смотрел с нескрываемым удивлением.

— Давненько я не выбирался в свет, — сказал он, глядя на парочку студентов. — Ты только глянь на них. Что за иди-

отские панамы?! И вот это сейчас считается стильным? Нет уж… Такие моды явно не по мне. Я уж лучше по старинке. Как можно проще. Да и интерьер здесь ни к черту. Это не бар, а выставка современного искусства. А цены? Три сотни за пиво? Что, в округе не осталось ни одной приличной пивной? Я хотел сходить в бар. Выпить холодного. А это что? Местечко для модников.

— Мой старый добрый брюзга, — протянул я с улыбкой. — Не будь ты таким тюфяком. Лучше выпей, расслабься. Сейчас вон те парни сыграют что-нибудь. Смотри, уже расчехлили гитары.

— Я-то выпью. В этом можешь не сомневаться. Но бар твой все равно никуда не годится. — Елинич рассмеялся и похлопал меня по плечу. — Надо бы позвонить Свиридову и Рыкунову, уж они-то вернут тебя на истинный путь.

— Как скажешь, — ответил я ему, невольно улыбнувшись. — Только перестань уже ворчать.

Тогда я наконец расслабился, и в какой-то момент мне даже показалось, что я зря волновался за Елинича. Ведь он сидел сейчас рядом со мной, как и много лет назад, попивал свое пиво и, казалось, был все тем же неуклюжим добряком, каким я привык его видеть. Просидели мы до глубокой ночи. Вскоре парни, что крутились у сцены с гитарами, начали свой концерт. Вот только оказались они полными бездарями, о чем, видимо, и сами догадывались, ведь недостаток профессионализма они пытались компенсировать эксцентрич-

ностью. Но даже кривляния и вопли выходили у них никудышно. Зато мы смогли вдоволь посмеяться над ними, что было неплохо. Но вскоре моя тревожность вернулась вновь.

К полуночи Елинич был уже в стельку пьян. И, несмотря на мои уговоры, все бегал и бегал за новым бокалом. Тут я понял, что у Елинича были не просто проблемы с выпивкой, а то, что он самый настоящий алкоголик, который теперь мог стать еще и бездомным. Одним из тех пьянчуг, что вечно крутятся на улицах у гадких рюмочных, где-нибудь в спальном районе, и клянчат монеты, а люди бросают их, лишь бы попрошайки ушли и унесли с собой свою вонь. Мне неприятно было думать, что мой друг может закончить так. Александр был двадцатидевятилетним алкоголиком с кучей денег, которые он спускал с такой скоростью, что через год у него не останется и гроша.

На путь саморазрушения Елинич встал уже давно. Но именно за последний год он преуспел в этом лучше всего. Когда я видел его в последний раз, Александр жил в старой двухкомнатной квартире в Туле. Я со Свиридовым сорвался из дома, чтобы проведать пару своих друзей, и Елинича в том числе. Уже тогда он налегал на выпивку, но вел вполне приличный образ жизни, хоть и прослыл затворником. У него была работа, на которой он целый день сидел за рулем, что хоть немного удерживало его от желания заливаться с утра и до вечера. Но в один день он просто решил ее бросить и почти два месяца просидел дома, выбираясь только в ма-

газин за едой и выпивкой. Это был его первый запой, выйдя из которого, он остался совсем без денег, и потому ему снова пришлось устроиться на работу, где он таскал мешки с цементом до самого вечера. Там он и познакомился с компанией парней, которые крепко сидели на травке и амфетамине.

Следующие полгода Елинич провел в беспамятстве приходов и постамфетаминовых депрессий, от которых он избавлялся с помощью травки. Но на седьмой месяц самоубийственного марафона Елинич не на шутку испугался, что станет наркоманом, и решил вернуться к выпивке, а чтобы лишний раз не подвергаться соблазну, он уволился с работы и сдал комнату одному из своих знакомых. Вот только этих денег не хватало, чтобы обеспечить его непомерную тягу к алкоголю, и вскоре Елинич нарастил долги, погасить которые был не в состоянии.

Тогда он решил продать квартиру и начать новую жизнь.

Глава 7

Весь следующий день я провел на работе, изнывая от похмелья и бессонной ночи. Должен сказать, что ночные загулы по барам давались мне с каждым годом все сложней и сложней, но проблемы я в этом не видел, потому как после свадьбы безумие пьяных полетов уже не привлекало меня. Я не стыдился своей прошлой жизни и вряд ли изменил бы в ней хоть один день, но я был рад оставить ее позади и сосредоточиться на том, что было действительно важно. Я стал больше думать, а не просто делать, и учился смотреть на взросление с разных сторон и искать в нем все больше и больше возможностей. Познавать этот мир. Познавать себя. И быть внимательней к незначительным и простым вещам, через которые раскрывается вся суть бытия. Ведь, поверьте мне, чем больше заумных слов вы слышите, тем дальше вас уводят от истины. А истина в том, что, как и все многогранное и великое, жизнь состоит из простых вещей — и лишь изучив ее в частности, вы сможете постичь ее всецело.

Но в 2016-м я слишком увлекся этой идеей и со свойственным мне рвением и упорством пытался отринуть свое бродячее прошлое, пропитанное аскетизмом и слепой верой в фатум, который я так яростно пытался сломать. Я слишком зациклился на материальных вещах и, наверное, даже стал их рабом, вот только все естество моей души противилось

этому, заставляя стыдиться того, что я все больше становился похож на тех, кого так яростно обличал.

Наверное, именно поэтому меня так взволновала судьба Александра Елинича. Он стал для меня символом всего, что я оставил позади, напомнив мне о моих прежних мечтаниях. С его возвращением я распался на две личности, которые никак не могли примириться друг с другом. Один звал меня в прошлое, обещая вернуть то безумное чувство эйфорической безудержности, с которым я мчался по жизни, опустошая ее, как вино. Другой же, напоминая о неизбежности похмелья, манил меня в грядущие годы, навстречу новым горизонтам и всем трудностям, что ждали меня впереди. А я застрял между ними, как ребенок в зале суда, который должен прямо сейчас и навсегда решить, с кем из родителей он вернется сегодня домой. Каких-то одиннадцать лет назад я не раздумывал бы ни секунды, ведь в восемнадцать лет так просто быть уверенным в чем-то и думать, что тебе известно все на свете, но с годами ты понимаешь, что единственное, в чем ты можешь быть уверен, — это то, что уверенным нельзя быть ни в чем. И я просто застыл в нерешимости, боясь сделать первый шаг. Застрял надолго, постепенно теряя решимость во всем. Я не знал, что я должен делать и что было для меня важнее. Мое прошлое, которое я предал, или то уютное благополучие будущего, что было мне так нестерпимо.

Глава 8

Остаток недели я провел в делах и заботах, стараясь не думать о Елиниче, но по-настоящему смог избавиться от этого наваждения лишь в субботу вечером, когда с Павлом и Кристиной поехал проведать ее старшего брата с семьей.

Юрий был весьма успешным мужчиной немного за тридцать, который являл собой полный антипод Александра Елинича. Он был среднего роста, со светлыми, аккуратно подстриженными волосами и гладко выбритым острым лицом. Одет он был всегда просто, но отличался от большинства неплохим вкусом, который был во многом заслугой его жены Ирины. Юрий обладал стройной подтянутой фигурой, которая стала его наградой за годы тренировок по плаванию. Работал он директором в достаточно крупной фирме, которая писала программы для своих клиентов, или что-то в этом духе. Признаться честно, в компьютерах я мало что смыслю. Словом, Юрий был на редкость смышленым малым. Его жена Ирина была не менее приятной и не менее успешной женщиной. У них была одиннадцатилетняя дочь, а жили они в загородном доме с двориком, перголой и всякими высокотехнологичными штучками, вроде автоматической системы полива газона и освещения с датчиками движения. И все это они сделали сами, от фундамента до лампочки, что подсвечивала пол вокруг кровати, чтобы не приходилось искать та-

почки в темноте. Конечно, не все в их жизни было идеально, и порой возникали серьезные ссоры, но покажите мне пару, где нет конфликтов, и я покажу вам пару лжецов.

Тем субботним вечером мы собрались вместе, чтобы скоротать выходной в приятной компании. День был на редкость погожий, какие редко бывают осенью в наших краях, и я наконец-то смог отдохнуть после рабочей недели и как следует расслабиться, позабыв о тех мыслях, что не давали мне покоя с того дня, когда в город вернулся Елинич.

Ирина и Юрий встретили нас у ворот.

— Вы, как всегда, не изменяете своим привычкам, — сказал Юрий, намекая на то, что мы опоздали на полчаса. — Пицца уже в духовке, а мангал распален.

— Мы постараемся все компенсировать, — ответил я, помахивая куском мяса в пакете.

— Ну раз так, тогда проходите. — Он улыбнулся, сдержанно и аккуратно, как и все люди, чей самодостаточный мир спрятан глубоко в их душе, и поспешил в дом. Я тем временем принялся за приготовление мяса. Несмотря на мою симпатию к Юрию, нас нельзя было назвать друзьями, и мы не были близки в общении.

Мы были слишком разные, к тому же принадлежали к разным поколениям, что в нашем мире, где за несколько лет все меняется до неузнаваемости, — это целая пропасть. Куда больше общего я имел с Ириной, которая, как и я, родилась в глуши и рано познала нужду, да и отец ее был типом куда

похуже моего. В ее глазах я видел знакомый мне с детства холодный блеск забытых надежд и бессмысленного времени, проведенного в страхе перед собственным будущим. Она видела пустые ночные дворы и то, как люди теряли в них себя, растворяясь в бесконечной вязкости лет. Она знала все это. И в этой нежеланной мудрости было что-то родное для меня.

Весь вечер мы просидели в их дворике, глядя, как дети резвятся на батуте, а в высоком небе пролетают редкие птицы, которые зачем-то остались здесь, вместо того чтобы лететь на спасительный юг. Мы ели стейки, пили вино и трепались о всяких пустяках, и в этой тихой размеренности было нечто успокаивающее. Я тут же проникся чувством безмятежности, что витало в осеннем воздухе вперемешку с запахом тлеющих поленьев, которые тихонько потрескивали в мангале, создавая причудливый аккомпанемент нашему вечеру. Сидя там, я так четко понимал решение моих дилемм, что хотелось сказать самому себе: «И в чем же ты мог сомневаться? Ты лишь взгляни, как здесь тихо и как здесь спокойно. Не об этом ли ты мечтал столько лет?»

Я был свободен от своих прошлых суждений и безумства минувших лет. Все было просто и ясно — живи, будь счастлив и позабудь наконец-то о тех, кто висит на тебе как балласт, утягивая за собой к обрыву. В этот момент мысли о Елиниче не тревожили меня. Ведь он шел своим путем, а мне стоило идти своим. И что с того, что я потерял связь с прошлым? Все равно в нем не было счастья.

Вернувшись домой тем вечером, я впервые за минувшую неделю смог крепко заснуть. Откровения того чудного вечера были со мной еще долго и казались мне нерушимыми. Я вновь зажил размеренной жизнью и крутился в простых мелочах. Но вскоре один лишь телефонный звонок развеял их по ветру, показав, как ничтожна была их нерушимость.

Γ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.